

- и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 122.
- ⁷⁵ Блок А.А. Записные книжки. С. 343.
- ⁷⁶ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 237.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 701. Л. 4–5.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 238.
- ⁸⁰ Руднев В.М. Указ. соч. С. 44.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. С. 46.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 227–228.
- ⁸⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 231.
- ⁸⁶ Падение царского режима. Т. 7. С. 171.
- ⁸⁷ Там же. Т. 2. С. 59–61, 74.
- ⁸⁸ Руднев В.М. Указ. соч. С. 51–52.
- ⁸⁹ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1990. С. 225.
- ⁹⁰ День. 1917. 27 июня.
- ⁹¹ Руднев В.М. Указ. соч.
- ⁹² Падение царского режима. Т. 1. С. 142, 143, 148, 186, 189.
- ⁹³ Там же. С. 169.
- ⁹⁴ Там же. Т. 5. С. 33–35.
- ⁹⁵ См.: Шавельский Г. Указ. соч. С. 195.
- ⁹⁶ Записки Н.М. Романова // Красный архив. 1931. Т. 49. С. 105–106.
- ⁹⁷ Мосолов А. Указ. соч. С. 47.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 34–35 об.
- ⁹⁹ Лукоянов И.В. Камарилья. С. 238.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же. С. 238.
- ¹⁰² Алексеева И.В. Дискуссия // Россия и Первая мировая война. С. 242–243.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Лукоянов И.В. Заключительное слово докладчиков // Россия и Первая мировая война. С. 252–253.

УДК 17(47)(09)18+929 Лабзин

ЧЕЛОВЕК В ПРЕДСТАВЛЕНИИ А.Ф. ЛАБЗИНА: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.И. Сидорова

Саратовский государственный университет
E-mail: sidorovani85@mail.ru

В центре внимания автора статьи – личность и мировоззрение А. Ф. Лабзина, воспитанника Московского университета, ученика Новиковского кружка, основателя масонской ложи и вице-президента Императорской академии художеств. На основе анализа его этических воззрений (по материалам периодического издания «Сионский Вестник») раскрываются некоторые особенности духовной жизни русской интеллигенции первой четверти XIX века.

Ключевые слова: идеология, культура, человек, общество, мировоззрение, мистика.

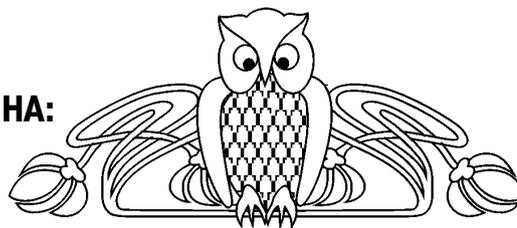
A. F. Labzin's Conceptualization of a Man: Ethical Aspect

N.I. Sidorova

The author of the article focuses on a personality and world view of A. F. Labzin, the Moscow University graduate, Novikovsky coterie's disciple, Masonic Lodge founder and vice-president of Imperial Art Academy. Some peculiarities of spiritual life of Russian intellectuals in the first fourth of XIX century are revealed based on analysis of his ethical views (using Zion Bulletin periodical).

Key words: ideology, culture, men, society, philosophy, mysticism.

Идеология просветителей, события Французской революции, поток беженцев из Франции, Отечественная война 1812 года, дворцовые перевороты, непоследовательная государственная и религиозная политика высших властей, а также ожидания либерализации жизни страны после

вступления на престол Александра I стали явлениями, создавшими новую психологическую и идейную ситуацию в России. Очевидно, период конца XVIII – первой четверти XIX в., будучи чрезвычайно насыщен социально-культурными изменениями, явился переломным прежде всего для общественного сознания наиболее образованных слоев русского общества. Именно в это время, с 1806 и 1817–1818, А. Ф. Лабзин издает «Сионский Вестник», который подобно многим другим сочинениям, журналам, сборникам оригинального и переводного характера затрагивал важные морально-этические проблемы. Каким же представляет Лабзин человека? Как изображает его внешний облик, внутренние качества и земную жизнь? В чем видит его истинное предназначение?

В первых же номерах «Сионского Вестника» издатель говорит о проклятии всего человеческого рода, наложенном из-за презрения Адамом и Евой воли Господа. Вследствие нарушения Его завета «они лишились уже той божественной жизни, которая соединена была с познанием истины, правосудия и святости»¹, а их потомство подверглось трем страданиям: в мысли, воли, действии, известных под казнями (телесная, душевная и духовная), отразившихся на физических и нравственных качествах. После грехопадения тело оказалось подвержено многочисленным болезням, неминуемой смерти, стало менее подвижно, лениво, немощно. Оно превратилось в рану, «которая, хотя бы и не выказывалась наружу, носит в себе

яд, тайно грызущий оную; и человек не может остановить действия сего яда; ибо он есть тот самый огонь, который дает существование нашему бытию и вместе разрушает оно»².

Внешние изменения, очевидно, повлекли за собой внутренние, когда человек «начинает испытывать нападения через телесные чувства и подстрекания плоти»³, а поскольку практически все, уступая своим желаниям, стремятся к постоянным наслаждениям, увлекаются временными, маловажными вещами, «то потом возбуждаются в них еще порочнейшие и опаснейшие страсти...»⁴, когда «мы, желая насытиться, вместо света ищем пищи в собственной своей тьме, от ненасыщения и от голода и от жажды сердимся, кидаемся на другие предметы тьмы, пожираем их и столько делаем от того преступлений, что никакое перо изобразить того не может»⁵.

Впоследствии одни, по словам издателя, превращаются в суетных, жадных, самолюбивых, завистливых, развратных людей, желающих заслужить уважение более знатных и влиятельных современников, другие, не имея собственного мнения, следуют предрассудкам, обычаям народной толпы. В складывании образа жизни, основанного на неприемлемых, эгоистических принципах и понятиях, Лабзин, скорее всего, винит само общество, которое, воспитывая детей, вместо добродетелей прививает пороки, не понимая главного – «какое то воспитание, которого грунт: французский язык – столпы: музыка и танцы? Ибо где воспитание начинается с чего инаго как не с французского языка? Чем испытуете воспитание человека, как не разговором на французском языке?»⁶.

Однако человеку были присущи не только пороки, но и добродетели, поскольку наряду с физическими данными, когда «и тленное сие тело, при всех своих недостатках, столь превосходно, что и самый острый разум тупеет при исследовании изящств его»⁷, животной души, содержащейся в крови и общей для всех живых существ, он имел «сотворенную по образу и подобию Божию» разумную душу, которая определяла умственные способности и нравственный облик. Но, если еще до грехопадения Адам и Ева, по мнению Лабзина, были несовершенны и пребывали в равновесии между добром и злом, сражаясь сами с собой для сохранения этого состояния, то уделом жизни современного человека стала тяжелая, непрестанная борьба во имя обретения хоть малой доли прежней гармонии. Однако, рассуждая о несовершенстве прародителей, Лабзин отступает от церковной традиции и вслед за мистиками акцентирует внимание на внутренней работе, масштаб которой многократно увеличился после появления смертного тела и вечной души, придающих человеческой природе ярко выраженный дуалистический характер.

Существование наряду с пороками добродетелей издатель обуславливает тем, что проклятие

загроуло свойства человеческой природы, ослабив их, сама же она, оставаясь неизменной, сохранила свое прежнее достоинство, воплотившееся в благодать, которая исходит от Бога в виде живых существей, воинов, искусных целителей, ангелов-хранителей. При условии распространения своей спасительной силы она могла привести к блаженству в вечной жизни, поэтому человек в течение жизни должен возратить свои прежние преимущества. Надо отметить, все высказывания Лабзина относительно прошлого, настоящего и будущего человечества полностью соотносятся с понятиями других мистиков, в разных вариациях сводящих сущность истинного христианства «к трем пунктам, которые и поставляют на вид каждому: первый – человек, по своему созданию, назначен быть причастным божественного естества, каким и обладал Адам; второй – падение низвергло человека в животную, земную и нечистую, в жизнь плоти и крови; третий – искупление даровало ему возможность возстановить себя в первобытном праве, сделаться снова Адамом»⁸. Но что должен был предпринять человек для достижения полного или хотя бы частичного возрождения?

Издатель предлагает читателям вспомнить с каким радостным нетерпением они ожидали начало Великого поста будучи детьми, подростками, юношами и девушками, которые, лишённые гордости, тщеславия и многих других дурных наклонностей, отличались от взрослых большим смирением, кротостью, добротой, доверчивостью. Пост необходим, полезен, поскольку сопряженный с исповедью, покаянием, молитвой, он на некоторое время «усмиряет тело и укрощает плотские вожделения»⁹, облагораживая душу. Но главное он, вероятно, хотел верить, что этот праздник, делая догматические тонкости несущественными, стирает границы между христианами всех конфессий и невидимым образом объединяет их независимо от состояния, гражданской, мировоззренческой позиций в одно духовное сообщество.

Не только церковные праздники оказывают благотворное влияние на сознание, но и таинства, которые желательно воспринимать трепетно и благоговейно, поскольку «для человека чувственного, а наипаче чувствами водимаго, нужны таковые внешние указания для обращения его на внутренность, и не только для воспоминания ему о преобразуемом тем, но для самага внутреняго в нем действия»¹⁰. Из трех видов исповеди, католической, протестантской, православной, Лабзин отдает очевидное предпочтение последней как наиболее совершенной и действенной, поскольку предстоящее покаяние перед лицом постороннего человека не могло не вызывать боязнь справедливого осуждения, смятение и впоследствии – укоры совести, мысль об избегании особенно тяжких проступков даже у самых отъявленных грешников.

Однако восприятие обрядов формальным, необходимым упражнением, «в котором надобно

ревностно трудится, но от которого и отдохнуть можно»¹¹, наряду с желанием показаться богобоязненным было, по мысли издателя, больше похоже на идолопоклонство или еще хуже – на лицемерие. Тогда человек бездумно одобряет то, в чем сомневается, чему на самом деле не верит и, неосознанно используя обряды, напускное благочестие для обмана Господа, заблуждается в итоге сам. За внешней пышностью богослужений, непонятными на первый взгляд словами, действиями священников скрывается, по словам Лабзина, глубокий внутренний смысл, без открытия которого «...учение, крещение, рукоположение, тайная вечеря, Богослужение...»¹², помогающее внутреннему перевоплощению и соединению с Господом, «тщетно употребляемы будут, ежели Дух Божий найдет сердца готовым к принятию Его святыни»¹³ и не воздвигнет в нем свой «храм».

Крещение, самое важное из таинств, даруя предварительную благодать, ангела-хранителя, отличает христианина от представителей других вероучений и предоставляет возможность на протяжении жизни обрести Божественный Дух, а после воскресения – новое тело. Следующее по значению таинство евхаристии призывает людей собраться вместе, вспомнить божьи заветы, страдания Иисуса и, что «... во Христе мы все члены одного тела, и в знак того вкушали бы от одной чаши, помня данную Им нам новую заповедь»¹⁴. При причащении человек не должен задумываться и интересоваться у других, превращается ли хлеб и вино под влиянием высших сил в тело и кровь Христово, поскольку «можно спросить вопрошающего: как вкушает он солнечную эссенцию, которая и в хлебе и во всяком растении и плоде существенно находится, дает оному рост, зрелость, спелость? Какова она вкусом?»¹⁵. Кроме того, люди, исполняющие евхаристию без искренней веры наносят себе непоправимый вред, но готовящиеся к ней, согласно завету Иисуса, соединяются душой с божественной искрой – всеобъемлющей высшей сущностью.

Получается, Лабзин следует Юнгу-Штилингу, писавшему о разделении церковей и истинном Филадельфийском теократическом государстве, отдельные признаки которого в VII в. можно было обнаружить на Востоке, в XII в. – у альбигойцев и вальденсов, а в XVIII–XIX вв. – у моравских братьев. Но, созидая свою малую и высокую церковь, он все-таки не отвергает внешних богослужений безусловно, а придает им определенную внутреннюю силу. Вероятно поэтому издатель не говорит об эстетической ценности богослужений, поскольку видит в культах ни струны, которые, затрагивая человека, возбуждают его религиозное чувство, а таинственные знаки, отчасти выражающие духовную сущность вероучения. Удовлетворяя потребность человека иметь явное доказательство существования сокровенной связи с Божеством, правильно совершаемые таинства, «крещение водой», не могли привести

к совершенству, но отвращали верующего от наиболее тяжелых грехов, грубых пороков, предвосхищая следующий, более сложный этап – мистический союз с Божеством, «крещение духом и огнем», позволяющее превратиться из ветхого в нового человека – воскреснуть душой и телом для истинного бытия. Естественно, духовному возрождению, главной цели всей жизни, Лабзин по примеру других мистиков уделяет особенно пристальное внимание, поэтому его описание занимает довольно много места в «Сионском Вестнике». Но наряду с душевным совершенствованием, полагает он, следует заботиться о сохранении, развитии физических качеств, поскольку, хотя душа, «...заключенная в тленной оболочке, подобно газу, запертому в воздушном шаре, безпрестанно стремится в верх»¹⁶, только «с развитием и укреплением телесных органов и разумная душа укрепляется и как бы созревает, приобретает познания, становится деятельнее и часто раскрывает в себе способности, доводящие ее до назначенного ей состояния совершенства»¹⁷. Для устранения основной причины всех душевных и телесных расстройств Лабзин предлагает комплексно воздействовать на человеческий организм по сути одинаковыми и единственно возможными средствами: «...рвотное и слабительное очищает внутренность от засорения, потовые проникают сквозь все тело и отвергают завалы во внутренних сосудах онаго, мази размягчают затверделости. – Как все сие согласно с средствами врачевания души и духа! И как одна наука объясняет другую!»¹⁸

Таким образом, Лабзин обозначает неразрывную внутреннюю связь и непрерывное взаимодействие между духовной и плотской стороной человеческой природы – двумя видами своеобразной энергии, одна из которых в процессе превращения сохраняется и усиливается за счет другой. Однако при этом он, следуя христианской аскетической традиции, разделяет два понятия: плотское начало и тело, «храм», который нужно не осквернять «...гнусными деяниями, не отравлять членов тела своего ядом сладострастия, обжорства, пьянства и не подвергать целость оных, или здравие оно, разрушению...»¹⁹, поскольку оно служит материальной основой духовной жизни.

Отчасти вопрос о необходимости гармоничного развития души и тела сводился издателем к борьбе между верой, которую известный мистик Дю-Туа называл «разумом веры», и собственно разумом. Признание неограниченных возможностей человеческого разума позволило философам, ученым, государственным деятелям совершать открытия в области естественных и гуманитарных наук, высказывать революционные идеи. Подвергая сомнению все предметы, явления окружающего мира, они, по словам Лабзина, смело рассуждали о христианских догматах и, отрицая таинства, пророчества, чудеса, основанные на Священном Писании, других исторических свидетельствах,

доходили до атеизма, деизма и материализма. Попытка защитить веру свелась к критике Беля, Вольтера, Руссо, д'Аламбера, Ренала, Гельвеция, якобы считавших многочисленные порочные наклонности неотъемлемой частью всего человеческого существа, святость – суеверием, древним предрассудком, Иисуса – Зороастром, Конфуцием, Магометом или Сократом, а постулаты просветителей – единственно правильными суждениями. Своими категоричными суждениями, атеизмом и отрицанием малейшей надежды на помощь Всевышнего эти проповедники разрушали все вокруг, повергая других в «буйство страстей» и полное отчаяние.

Анализ, индукция, дедукция, сравнение и другие логические построения ученых, придавая науке излишнюю субъективность, не позволяли ни постигнуть истину, ни приблизиться к ней, а «от того системы всех наук часто переменяются, и всегда переменяться будут; и мнения, поставляемые на место истины, суть только вице-истины – истины на время, пока другие опыты, другие открытия не свергнут их с престола и не возведут на место их других мнений, других вице-истин же»²⁰. В итоге Лабзин приходит к выводу: поскольку многие средневековые и современные философы, за исключением Бекона и последователей мистицизма, не исполнили свое предназначение, продолжив важную миссию античных мыслителей – не отличились «чистейшей верою», пока «христианство распространяет чистейший свет», то их не стоит даже сравнивать с теми, кто в ожидании Иисуса стремился к истине.

Пытаясь оградить людей от многочисленных опасных заблуждений, Лабзин не ограничивается критикой философов и предлагает иную просветительскую концепцию, ведущую к открытию божественных истин. При подлинном, «живом» исследовании «вера владевает над разумом, благодать над природою, а любовь над самолюбием... разум колеблется, но вера поддерживает его; самолюбие ослепляет разум, но любовь открывает ему глаза и служит ему вождем...»²¹ Но, советуя признать ограниченность умственных способностей, Лабзин, скорее всего, порицает их чрезмерное возвеличивание, а потом вслед за Арндом и Шварцем, своим учителем, провозглашает, что и вера, и разум одинаково имеют право на свое существование, а в их соединении не должно быть никакого противоречия. «Обижают веру, думая, что она требует пожертвования разумом: напротив того, – восклицает издатель, – разум есть грунт веры; вера упразднится, а разум пребудет вечно: ибо человек останется вечно существом разумным»²², поэтому «вере не страшно никакое исследование добродетельного философа. Чем более кто имеет ума и справедливости, тем более чувствует достоинство веры...»²³ Если современные ученые, опираясь на воображение, мышление, интеллект, выстраивают образные, идеальные модели вещей, которые складываются

в умозрительные схемы и гипотезы, то правверные христиане, исследуя что-либо, полагаются на веру, любовь, другие положительные эмоции и впечатления.

Поскольку одним из главных источников всех истин являлось Священное Писание, Лабзин почитал своим долгом высказать некоторые рекомендации по его толкованию. Указывая читателям на возможность двойного прочтения Библии, он уподобляет ее человеческому существу, плоть которого составляют тексты, «шелуха, скорлупа духовного», а душу – смысл слов, фраз и предложений. Поэтому «для людей, правящихся только разумом, Священное Писание есть мертвая буква, сухая история, или нравоучение без жизни: для духовного же человека оно есть истый дух, отпечатак, отпечаток духовного, есть – самая жизнь»²⁴. При объяснении значения каждого отрывка догматического, исторического или нравственного характера Лабзин так же как квакеры, Арндт с г-жой Гюйон придерживается экзотерического способа и практически во всех случаях отличает буквальное понятие, доступное большинству через образы, от внутреннего, символического, представленного лишь избранным. Так, в истории изгнания Измаила с матерью-рабыней он видит преимущество глубокого толкования смысла Священного Писания, которое воплощает Исаак, над поверхностным, а «... что в Ветхом Завете сказано о вещественном Храме, то в духовном смысле разуметь должно о Христе, о Его царствии, о Его церкви, которая есть Его тело»²⁵.

Стремящийся к просвещению христианин должен знать, что «и как самое Евангелие содержит не все деяния сего Учителя... то могут нам быть неизвестны деяния Господа, которые другим могли и могут учиниться известными чрез особенныя откровения, или особенныя предания»²⁶. Хотя при жизни человеку не суждено понять суть всех законов микро- и макрокосма Вселенной, вера и любовь – эти просвещающие разум добродетели – позволяют получить опытные, «страдательные» представления, когда христиане «говорят» с вещами – исходят из принципа: «вещи самые сказывают о себе гораздо больше, полнее, яснее, нежели все сказания, повествования и толкования об них...»²⁷ Для объяснения своей мысли Лабзин сравнивает изучение предметов окружающего мира с немислимым без Божественных откровений познанием явлений высшего порядка, «... которое могло бы довести нас к истинному просвещению, когда угодно Ему будет, по вере и упованию нашему, наполнить нас Самими Собою и дать узнать Его опытно»²⁸. Здесь он приближается к Бему, писавшему в трактате «Великое таинство» о том, что любые истинные рациональные и иррациональные понятия формируются в человеческой душе, «поэтому мы можем знать о Боге только посредством Его рождения в нас. Бог отсутствующий, отделенный от нас, есть Бог неведомый...»²⁹

Размышления о том, как одним творческим наитием достичь подлинного просвещения – приподнять завесы природы и проникнуть в сверхчувственный мир сущностей, приводят Лабзина к оправданию духовидцев, вступающих в самые деятельные отношения с загробным миром, астрологов, провидцев, предсказывающих судьбу людей и всего человечества. В доказательство того, что знаменитый шведский математик естествоиспытатель и духовидец Сведенборг обладал не только уникальным даром, но и являлся мудрым, добродетельным, благочестивым христианином, он приводит одну из четырех историй о нем Юнга-Штиллинга. Потом Лабзин останавливается на сочинении некоего Ф. Буиса, содержащего суждения об оракулах, сивиллах, Нострадамусе, а наряду со Сведенборгом говорит о малоизвестных французских мистиках, аббате Казоте, которые предчувствовали революционные события и даже пытались отдалить момент их неминуемого наступления. Кроме того, на основе анализа произведения Юнга-Штиллинга, где в аллегорической форме повествуется о покорении государств-наследников Древнего Рима и унификации всех религиозных систем для создания единой «Натуральной религии» разума, он выражает собственные пророчества. Вышедшего из низов могучего правителя, а также «некое великое тайное общество» из «Угроз...» Лабзин олицетворяет с иллюминатами и Наполеоном, по чьему приказу кардинал Мори будет составлять догматы нового вероучения, основанного на рационалистических принципах философии XVIII века.

Как ни всякий разумный человек может представить сложные вычисления высшей математики и стереометрии, к изучению которой не применимы элементарные, однолинейные аксиомы и гипотезы эвклидовой геометрии, так далеко ни каждый, по представлению издателя, способен предвидеть будущее. Вообще «способность к общению с царством духов главной ее развивается тогда, когда эфирное или световое тело души мало принимает в себя тяжелых частиц из крови, и постоянно от уз сих облегчается»³⁰. Кроме того, помимо аскетического образа жизни, когда некоторые мистики подобно г-же Гюйон доходили в своих пророчествах до состояния экзальтированного восторга, к ясновидению приводили магнетические сеансы. Последние были особенно действенны при болезнях, когда изменения физиологического характера влияли на психику, ослабляя или возбуждая нервную систему человека. Сведения о предсказаниях девицы Кремер, излечения дворянки Анны Лакис и 13-летнего мальчика, явившихся результатом любопытных экспериментов последователей известного гипнотизера Месмера и Общества Гармонии, Лабзин почерпнул из немецкого журнала «Магнетический архив» и книги витебского издания «Описание Жизне-Магнетического лечения, произведенного на опыте Д. Карлом фон Гибенталем...»

Уподобляя прорицателя стоящему на горе человеку, который видит куда больше находящегося на холме, а тем более на равнине, Лабзин, тем не менее, отмечает, что «зрение у людей разное, острее и тупее: потому и на одной высоте стоящие могут видеть разное и разное»³¹. Однако, если одни с трудом понимают и толкуют те или иные полученные свыше истины, то другие, сами того не подозревая, слушают внушения «лживых духов» и совершают череду ошибок. Тогда обманываются не только ясновидцы наподобие персонажей рассказов Юнга-Штиллинга: девушки, использующей пророческий дар для соблазнения женатого мужчины, и женщины, преждевременно готовящейся к смерти, но и те, кто их окружает. Одна только непоколебимая уверенность в своей избранности Господом ввела в заблуждение даже знаменитого Сведенборга, чьи «сочинения содержат в себе много изящного, поучительного и достойного: местами попадают в них такие нелепости, что потребен многоупражнявшийся в сем деле ум, чтобы читати их без разбору»³². Во избежание подобных казусов издатель предлагает читателю задуматься о целях и задачах, преследуемых прорицателем, который со своей стороны сначала должен стать высоко нравственным, глубоко религиозным человеком, а потом уже анализировать свои идеи, согласуя их с известными фактами и представлениями.

Справедливо предупреждая христиан от заблуждений при познании всяких истин, Лабзин все-таки больше всего дорожит той сокровенной религиозностью, которая ведет человека к непосредственному общению с Богом и возлагает на верующего подвиг духовного возрождения. Видимо, именно поэтому он просит читателей не судить строго тех, кто, не встречая одобрения и претерпевая гонения за проповедническую деятельность, искренне объявляет о своих, пусть даже ложных, видениях, поскольку и ученым свойственно ошибаться, а такие откровения могут содействовать нравственному совершенствованию. Так, считая магнетизм необыкновенным явлением своего времени и не забывая о его противоречивом общественном восприятии, когда некоторые «...почитали все то за ухищрение и обман, и даже за чародейство самое гнусное и опаснейшее, и объявляли его за порождение самого ада»³³, Лабзин советует людям не делать поспешных негативных выводов. Вообще он не подвергает сомнению пользу подобных опытов, которые иногда вернее Священного Писания обращали атеистов, а не вполне ясную природу их происхождения списывает на ограниченность разума самого человека. В другой раз он отмечает несправедливое отношение к секте моравских братьев и защищавшему ее Юнгу-Штилингу: «Обыкновенно, когда хотят помешать действиям честного человека, стараются во первых дать ему странное какое-нибудь наименование, которого иногда никто прямо и не разумет: Езуит! Гернгутер!.. Но добро ли то, что Гернгутеры живут

честно, терпеливы, трудолюбивы, ведут дни свои в братском согласии, любят Спасителя и стараются сообразоваться с религией Его в самом правлении своего общества? Нельзя ли сего примера взять иногда к подражанию? Нет, сомнительно. Почему? Потому что они – Гернгутеры»³⁴. Поскольку и просвещение, и нравственное совершенствование одинаково основаны на видениях, опытным познании, вытекают один из другого и ведут к главной цели – совершенствованию человека, Лабзин связывает их в единое целое.

Представляя процесс возрождения своеобразной лестницей и подробно останавливаясь на каждой ее ступени, издатель говорит, что в настоящее время все христиане могут осуществить эту высокую цель. Более того, лучше достойно пройти весь путь духовной эволюции, поскольку в противном случае процесс неизбежного очищения, начавшийся после смерти, будет долгим и мучительным. Однако потом он сравнивает эпоху правления римского императора Юлиана с современным положением дел, когда «возвещать что либо к славе Божией сделалось ныне не в обыкновении»³⁵. Продолжая размышлять о своем времени и ссылаясь на пространное описание Апокалипсиса Юнгом-Штиллингом, Лабзин заключает: «отрицание бытия Сатаны, невидимаго врага спасителя и человеков, учинившееся ныне почти всеобщим, пролагает путь к Антихристову учению»³⁶. Подобные суждения наводят на мысль, что среди современников Лабзина единицы согласились бы встать на путь подобного самоотречения, в то время как большинство из них совсем не думали о вечных ценностях. Но все же находились те, кто, просвещая разум, развивая душевные качества, приближался к идеалу совершенства, кто, в отличие от людей, которые не смогли или не захотели частично реализовать свои способности, получил «власть вязать и решить, очищать, отпускать, заключать врага во тьму и воззывать свет в душах»³⁷ и кто со спокойной совестью, «без сожаления, страха и с радостью» ожидал смерти, ведущую к полному преображению.

Полагая, что смерть знаменует собой завершение духовного возрождения и начало телесного воскрешения – последнего этапа на пути человека к совершенству – Лабзин задумывается над ее загадочной природой. «Семя [дерева] умирает, дух же семени в земле, чреватой верхними притечениями света и теплоты солнечной, оплодотворенной разтворительною влагою росы и дождя, сбросив с себя узы гления, продлится сквозь ее к соединению со всеобщим духом, разлитом в воздухе, и там берет себе новое тело»³⁸. Прах являет собой нечто неизменное, «соль завета вечного», которая сохраняет память о прежнем строении человеческого существа и содержит «семя» будущего тела. «Соль вечного завета» Лабзин сравнивает с пеплом, который был не просто продуктом горения тех или иных предметов, веществ, организмов, а наглядным примером испытания «огнем», символом внутренней

и внешней чистоты. При этом особое внимание он обращает на то, что полезные свойства золы находили применение в хозяйстве при очищении, промышленном производстве, когда она «... будучи же чиста и очищена огнем, служит к очищению и других веществ, и мы в домашнем быту делаем для того из нее шолок»³⁹. Сквозь призму подобных идей он представляет и погребальные обряды, характерные для Античного мира, скифо-сарматских, славянских племен, полагая, что «недаром древние сжигали тела достойных мужей и пепел их хранили в урнах...»⁴⁰ Хотя потом, вероятно, желая избежать обвинений в явном вероотступничестве или опасаясь неправильного истолкования этого двусмысленного высказывания, издатель оговаривается – «сие не значит впрочем того, чтобы и мы сжигать тела совет давали»⁴¹ – он, тем не менее, не может удержаться от осторожных замечаний насчет этого ритуала. Так, подобное действие «только служит в подтверждение многократно представленного свидетельства, что все богословские и священные обряды, в начальном своем учреждении, заключали всегда великие и весьма важные истины; и пока то означали, до тех пор и уважение заслуживали»⁴². «Соль завета вечного» Лабзин сравнивает и с обыкновенной солью, которая использовалась при консервировании и которая издавна ввиду своей незаменимости заслужила особенное отношение, закрепленное обрядом встречи гостей хлебом-солью.

В день Страшного Суда «соль вечного завета» умерших и божественная искра душ живых людей соединится с повсюду распространяющимся огнем и сожжет все, тогда же земной шар окажется светящимся кристаллом, а избранные христиане изменятся. Предстоящее действие угадывается через наблюдение самых простейших природных явлений и процессов: «Цветок нежнее и величественнее согнившего семени, из которого разцвел, бабочка прекраснее червяка, из коего она выражается... возьмем в пример смердящий навоз и благоухание трав, из перегоревшей с навозом земли произошедших»⁴³. Люди обретут новые, прозрачные тела и «кажется, желудок, кишки и различие полов, не будут там иметь места»⁴⁴. Тех, кто преобразится и достигнет совершенного воссоединения с Господом, Лабзин уподобляет зеркалам, которые, имея единственный источник света – солнце, отражают его лучи и этим усиливают сияние друг друга. Однако «иная слава солнцу, иная луне, и звезда от звезды во славе разнится. Так и блаженные разствовать конечно будут, смотря по тому, больше ли, меньше ли кто за честь Божию сражался, подвизался, и работал...»⁴⁵ Подобно тому как одни чувства и переживания придают глазам благочестивого, милосердного человека кроткое выражение, а другие – искажают черты лица завистника, сребролюбца, гордеца, развратника до неузнаваемости, тела, по словам Лабзина, будут выражать душевные качества. Поэтому праведники, получившие ясное представление обо всех вещах и наслаждающиеся блаженством, будут на вид совершеннее других,

а самые отъявленные грешники и преступники, страдающие от внутреннего и внешнего жара, будут довольствоваться темной, словно «прокопченной» оболочкой.

Случаи телесного преображения происходили не только с библейскими апостолами, пророками, но и с простыми обывателями. В доказательство этого Лабзин рассказывает историю таинственного исчезновения женщины на глазах толпы изумленных прихожан, «причем сказано, что примечено было только некотораго рода мелькнувшее пламя, и на полу, где она стояла, самые малые признаки как бы масла»⁴⁶.

Аккумулируя представления натурфилософов, идеи Бема, согласно которым все в мире возвращается к всемирному началу – Духу и поэтому нет гибнущего, мертвого – есть только противоположенное, Лабзин олицетворяет смерть с постоянством законов природы, этим вечным круговоротом, который, воплощаясь в смене времен года, жизнедеятельности растительного и животного мира, проходит через «хаос», единую первопричину. Продолжая рассуждать о посмертном существовании и втором пришествии Спасителя, он приближается к Дю-Туа, который также говорит о прославленных телах, приходящих на смену настоящим, грубым, но относит появление идеи сожжения и преображения всего мира еще ко временам античности, а в доказательство этого предположения цитирует Овидия. Однако стремление Лабзина открыть образы божественного происхождения с помощью окружающего мира делает его суждения чрезмерно прозрачными, ясными для понимания. Так, от сравнения смерти человека с ростом деревьев, цветением растений, появлением насекомых он доходит, очевидно, основываясь на некотором внешнем сходстве, до отождествления золы и тлена, объединяет процессы гниения и горения, и, слишком упрощая, материализуя эту сложную философскую проблему, придает праху сакральный смысл – называет его «солью вечного завета».

Итак, в «Сионском Вестнике» Лабзин подобно многим другим своим современникам стремился найти выход из противоречия между национальными традициями и западной культурой с ее гуманистическими принципами, культивирующими разум. Ощущая переломный характер эпохи и общественную потребность в прочных и верных духовно-нравственных ориентирах он обращается к человеческой личности и, объясняя какое место она занимает в мироздании, говорит о Боге, душе, разуме, вере, религии и философии. Не отвлекаясь на правила нравственного поведения, житейской морали и не думая о всей сложности взаимоотношений между людьми, физическую, нравственную природу человека, а также саму его жизнь Лабзин подчиняет одной единственной цели – возрождению. Видно, как в изложение издателя постоянно вплетаются мистические идеи, основанные на принципах общехристианской этической доктрины с ее проповедью самоотречения, аскетизма. Однако, хотя Лабзин не ставит задачу выработать оригинальную

религиозно-антропологическую концепцию и, заимствуя основные идеи из мистических трактатов, не скрывает стремление популяризировать их, он творчески переосмысливает и переносит на национальную почву многие известные представления западноевропейской общественной мысли.

Примечания

- 1 Сионский Вестник. 1806. Март. С. 275.
- 2 Там же. 1818. Апр. С. 3.
- 3 Там же. 1817. Июль. С. 33.
- 4 Там же.
- 5 Там же. 1806. Март. С. 261.
- 6 Там же. 1806. Сент. С. 339.
- 7 Там же. 1817. Авг. С. 150.
- 8 *Галахов А.Д.* Обзор мистической литературы царствования Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 1. С. 100.
- 9 Там же. С. 300.
- 10 Там же. С. 307.
- 11 Сионский Вестник. 1806. Янв. С. 63.
- 12 Там же. 1818. Июль. С. 308.
- 13 Там же.
- 14 Там же. 1806. Март. С. 314.
- 15 Там же. С. 312.
- 16 Там же. 1818. Май. С. 187.
- 17 Там же. 1817. Сент. С. 376.
- 18 Там же. С. 298–299.
- 19 Там же. 1817. Авг. С. 150.
- 20 Там же. 1806. Июль. С. 20.
- 21 Там же. 1806. Февр. С. 173.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 172.
- 24 Там же. 1817. Сент. С. 294.
- 25 Там же. С. 291–292.
- 26 Там же. 1806. Авг. С. 123.
- 27 Там же. 1806. Июль. С. 8.
- 28 Там же. С. 74.
- 29 *Галахов А.Д.* Указ. соч. С. 132.
- 30 Сионский Вестник. 1818. Июнь. С. 342.
- 31 Там же. 1806. Июль. С. 83.
- 32 Там же. 1818. Июнь. С. 347.
- 33 Там же. 1817. Июль. С. 54.
- 34 Там же. 1806. Март. С. 365.
- 35 Там же. 1806. Янв. С. 94.
- 36 Там же.
- 37 Там же. 1818. Май. С. 172.
- 38 Там же. 1806. Авг. С. 141.
- 39 Там же. С. 138.
- 40 Там же. С. 143.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Там же. 1817. Авг. С. 162–163.
- 44 Там же. 1817. Авг. С. 163.
- 45 Там же. 1806. Авг. С. 145.
- 46 Там же. 1806. Авг. С. 147.